

—

Лу Синцзя нёсся на велосипеде домой, и его сердце всё ещё бешено колотилось.

Вернувшись домой, он первым делом побежал в свою комнату, достал этот бланк информированного согласия и осторожно положил его на письменный стол.

«Цзяцзя! Выходи перекусить! Сегодня мама сварила суп с морепродуктами!» — донёлся голос Хэ Си из-за двери.

Лу Синцзя очень сильно улучшил свои оценки на этот раз, и классный руководитель даже похвалил его на родительском собрании, поэтому настроение Хэ Си было особенно хорошим, она невольно напевала мелодию, неся миску.

«Иду-иду!»

Лу Синцзя бережно погладил помятую бумагу, лежащую на столе, а затем поспешно закрыл дверь и вышел из комнаты.

На чайном столике в гостиной стояли две полные миски супа, горячие, с паром, и насыщенный аромат проникал в нос.

Ингредиенты супа были богатыми: с первого взгляда можно было увидеть отчётливые розовые креветки, а также мелко нарезанный сельдерей, рассыпанный сверху, что придавало блюду очень красивый цвет. Рис был сварен до почти прозрачного состояния, прилипая к стенкам миски, он был блестящим и прозрачным, вызывая аппетит одним своим видом.

Лу Синцзя выловил креветку и смешал её с рисовой кашей, отправляя в рот.

Только что сваренный суп был очень горячим, так что у него чуть слёзы не навернулись на глаза. Он, открыв рот, глубоко вдыхал воздух и невнятно хвалил: «Ммм! Вкусно!»

«Не спеши, пей медленно».

Хэ Си усмехнулась, садясь рядом с Лу Синцзя.

Белая фарфоровая ложка издала чистый звук при соприкосновении с фарфоровой миской. Хэ Си тоже зачерпнула ложку каши, несколько раз подула и отправила её в рот.

«Ммм», — она удовлетворённо кивнула, — «Вкус неплохой».

Лу Синцзя поднял большой палец вверх, не скупясь на похвалы: «Это само собой разумеется, мама приготовила, конечно, вкусно!»

Хэ Си усмехнулась: «Что это у тебя сегодня такой сладкий рот, боишься, что учитель мне что-то плохое про тебя рассказал?»

«Как это возможно!» — Лу Синцзя положил ложку на край миски и распахнул глаза. «Я так хорошо вёл себя в школе, разве учитель меня не похвалил?»

Его щёки всё ещё были надутыми, выглядел он очень мило.

«Ну хорошо, хорошо», — Хэ Си ещё шире улыбнулась, откинувшись на диван, и перестала его дразнить. «Ваш классный руководитель похвалил тебя перед всеми родителями, сказал, что ты усердно учишься и добился больших успехов».

Хэ Си похвалила: «Мой сын такой молодец!»

Глаза Лу Синцзя изогнулись полумесяцами, и, видя, что момент подходящий, он начал осуществлять свой план.

«Мама», — он вырвался из объятий Хэ Си, делая вид, что спрашивает между прочим, — «Ты же говорила, что учитель много рассказывал про олимпиаду, что именно?»

«Да, много чего», — Хэ Си прищурилась, вспоминая: «Рассказывали о достижениях школы в прошлые годы, о процедуре и расписании предварительных, отборочных и финальных туров, а также о влиянии этой олимпиады на ваше будущее».

Лу Синцзя, моргая, слушал рассуждения Хэ Си, а когда она закончила, тут же спросил: «А не было ли такого, что вас просили подписать какое-нибудь информированное согласие?»

«Информированное согласие?» — Хэ Си задумалась, пытаясь вспомнить: «Ты говоришь о том бланке, который нужно было подписать?»

Лу Синцзя кивнул, как птенец: «Угу!»

«Подписала», — Хэ Си с некоторым недоумением посмотрела на него. «Почему ты вдруг спрашиваешь об этом? Школа сказала, что участие в олимпиаде может повлиять на обычные занятия, и без подписи нельзя оставаться в олимпиадном классе. Все родители подписали».

Лу Синцзя на мгновение замер, затем тихо сказал: «Потому что... один человек ещё не подписал».

«Кто не подписал?» — невольно спросила Хэ Си.

Лу Синцзя ответил: «Цинь Мудун».

«Что случилось?» Хэ Си вздрогнула, вдруг что-то вспомнив: «Кстати, на родительском собрании я ещё удивилась. Он же сидит с тобой за одной партой? Родители не пришли? ...Его родители не согласны?»

«Угу...» — голос Лу Синцзя невольно потускнел, — «Его папа и мама слишком заняты, у них нет времени приехать, и они даже не хотят, чтобы он учился!»

Хэ Си слегка нахмурилась: «Его родители слишком безответственные».

«Да, да», — Лу Синцзя энергично кивнул, добавляя красок, — «Мудун Гэгэ было так грустно, когда он узнал, что никто не подпишет за него, он весь вечер был подавлен!»

Хэ Си, как и ожидалось, нахмурилась ещё сильнее, обеспокоенно спросив: «Что же тогда делать? Если объяснить ситуацию школе, они, наверное, пойдут навстречу?»

Голос Лу Синцзя всё ещё был тихим: «Мудун Гэгэ сам расписался».

Хэ Си помолчала немного, потом легко вздохнула: «Какой несчастный ребёнок».

Видя, что время подходящее, Лу Синцзя осторожно спросил: «Мама, я тут вдруг подумал... Ты не могла бы подписать за Мудун Гэгэ?»

«Я?» — Хэ Си вздрогнула. «Но я же не его родитель».

«Его родители и не заслуживают быть родителями», — Лу Синцзя надул губы, приводя заранее придуманный аргумент: «И ты же часто говоришь, что считаешь Мудун Гэгэ своим наполовину сыном, так что подписать за него — это нормально!»

...На первый взгляд, в этом действительно был какой-то смысл.

Хэ Си усмехнулась, не зная, откуда Лу Синцзя взял эту нелепую логику.

Она спросила: «Ваша школа согласна?»

Видя, что Хэ Си вот-вот поколеблется, Лу Синцзя тут же подхватил: «Всё равно он сам расписался».

Школа очень серьёзно говорила о последствиях неподписания, но то, что они позволили Цинь Мудуну забрать бланк домой для подписания, фактически означало, что они молчаливо разрешили ему подписать его самому или попросить кого-то подписать за него.

В конце концов, он был первым на олимпиаде, и школа, конечно, не хотела бы его отпускать.

«Но...»

Хэ Си хотела что-то ещё сказать, но Лу Синцзя намеренно опустил веки, длинные ресницы отбрасывали лёгкую тень на щёки, и он тихо сказал: «Я просто не хочу, чтобы Мудун Гэгэ было слишком грустно, у него с детства нет родителей...»

Хотя он играл, но эмоции были настоящими.

Пока Лу Синцзя говорил, у него действительно скатились две слезинки.

Сердце Хэ Си тут же смягчилось. Не в силах противостоять его неоднократным просьбам, она сдалась: «...Ладно, но...»

«Спасибо, мама, ты лучшая!» — Лу Синцзя даже не дал ей возможности договорить, быстро забежал в комнату, взял ту бумагу, вытащил из рюкзака ручку и быстро вернулся к Хэ Си.

Глядя на бумагу и ручку в руке, Хэ Си наконец поняла: «Ты давно это планировал, да? И даже вещи заранее принёс?»

Лу Синцзя хитро улыбнулся, поджав губы, и замялся: «Я же боялся, что ты не согласишься, да и никто на самом деле не подписывает за Мудун Гэгэ».

Хэ Си беспомощно покачала головой, подписывая своё имя в графе «родитель» в самом низу: «Ладно, ладно, наш Цзяцзя такой заботливый».

«Хи-хи, спасибо, мама!» — Лу Синцзя взял бумагу и ручку из рук Хэ Си, прижимая их к себе как сокровище.

—

На следующий день Лу Синцзя встал очень рано и, пыхтя, поехал на велосипеде в школу.

Погода уже была очень холодной, при выдохе был виден отчётливый белый пар. В классе было мало людей, Цинь Мудун всё ещё сидел там прямо.

Лу Синцзя подумал, что Цинь Мудун, должно быть, очень не хотел оставаться в этом пустом доме, поэтому предпочёл пожертвовать дополнительным временем для сна утром и пришёл в школу пораньше.

Лу Синцзя глубоко вздохнул и с улыбкой поздоровался с ним: «Доброе утро!»

«Утро», — Цинь Мудун слегка кивнул, холод в его глазах невольно рассеялся.

«Это сегодняшний завтрак, моя мама испекла булочки!» — Лу Синцзя, как обычно, достал завтрак из рюкзака, и тут же вспомнил о бланке информированного согласия, заложенном в книге.

Вчера вечером он бесстыдно попросил Хэ Си подписать его, а теперь ему стало трудно. Какой предлог найти для Цинь Мудуна?

Цинь Мудун всегда с трудом принимал доброту других людей. После такого долгого общения Лу Синцзя, если хотел что-то ему дать, должен был найти причину или получить что-то взамен.

По словам Цинь Мудуна, он не любил быть кому-то должным.

Но какой может быть причина для подписи родителей?

В эти годы ещё не разрешали заводить второго ребёнка, нельзя же сказать: «Моя мама хочет ещё одного сына».

Цинь Мудун взял булочку, поблагодарил. Лу Синцзя всё ещё колебался, рассеянно доставая книги из рюкзака.

Бланк информированного согласия был заложен между двумя книгами. Когда он взял и положил их, бланк каким-то образом выскользнул.

Белый листок бумаги закружился и приземлился прямо у ног Цинь Мудуна.

«Что это?» — Цинь Мудун небрежно поднял его, и первым делом увидел своё имя в графе «Имя ученика».

Это был бланк информированного согласия, а в графе для подписи родителей внизу крупными буквами было написано «Хэ Си», почерк был изящным.

Лу Синцзя вздрогнул, мгновенно запаниковал: «Я, я...»

Он «якал» долгое время, а потом, внезапно, словно по наитию, объяснил: «Ты мой брат, а моя мама — твоя мама!»

Как только эти слова вырвались, Лу Синцзя почувствовал такую неловкость, что ему захотелось провалиться сквозь землю.

Это было... словно предложение руки и сердца из какого-то дешёвого романтического романа, продаваемого на лотке.

Да ещё и такое, которое наверняка будет отвергнуто!

Лу Синцзя досадно опустил взгляд, и ему оставалось только признать: «Прости... Только не сердись, я не имел в виду ничего такого, просто хотел сказать тебе, что твои папа и мама плохо к тебе относятся, но у тебя есть я...»

Его голос становился всё тише, пока наконец не стал почти неслышным: «Мы с мамой тебя очень любим...»

Зимняя атмосфера была холодной. Школьная форма была белой, кожа Лу Синцзя тоже была очень бледной. Он слегка опустил голову, его светлая и стройная шея изящно изогнулась, словно у поразительного белого лебедя.

Такая простая картина, но в сердце Цинь Мудуна она сияла красным, как огонь, пылкая и чистая.

Кадык Цинь Мудуна слегка двинулся, и он внезапно проклял свою дурную мысль прошлой ночью.

Он даже подумывал заставить его плакать.

«Глупый», — голос Цинь Мудуна был низким и хриплым, — «Не будь ко мне так добр».

Я боюсь, что не смогу удержаться и причиню тебе боль.

Хочу утащить тебя в бесконечную бездну.

Лицо Лу Синцзя пылало, он подсознательно проигнорировал вторую половину его фразы и тихо пробормотал: «Где это я глупый?»

Цинь Мудун не ответил, уголки его губ слегка приподнялись. Он не удержался и легонько погладил его по голове.

Ощущение прикосновения ладони было таким же, как он себе представлял: мягкое, тёплое, как бархатная шерсть котёнка, заставляющее сердце трепетать.

«Спасибо», — невнятно произнеся, Цинь Мудун быстро отдернул руку.

Неожиданное движение заставило Лу Синцзя застыть на месте. Когда он пришёл в себя, Цинь Мудун уже спокойно отвёл взгляд.

Лицо Лу Синцзя так покраснело, что с него почти капала кровь. Он тихонько снова положил руку на то место на голове, которого только что коснулись, и погладил.

...Но того ощущения электрического разряда, что было только что, не было.

—

Примечание автора:

Дун Гэгэ соблазняет людей, оставаясь незамеченным.

—

<http://bllate.org/book/14490/1282447>